

Георгий Владимирович Беляев — актер интереснейшей судьбы, великодушный и эмоциональный собеседник, человек удивительной доброты и отзывчивости. Мы познакомились с ним лет десять назад, когда он работал в Барнауле. И уже тогда я каждый свободный вечер стремился побывать в его доме, чтобы послушать веселые и грустные, смешные и печальные истории о становлении театра на Украине, встречах с ведущими актерами современного советского театра, спектаклях Мейерхольда и Вахтангова, Художественного и Малого театров. Меня поражали и его блестящая память, и добрый юмор рассказчика, и те оценки, которые он давал спектаклям и событиям давних лет.

Сейчас я искренне жалею, что не записал в свое время то, чем он со мной так щедро делился. Это мог бы быть интересный для каждого любознательного рассказ о людях, с которыми Беляеву довелось встретиться и работать в Харькове и Ульяновске, Уссурийске и Орске, Донецке и Глухове, Ереване и Архангельске, Гродно и Чите, Москве и Новокузнецке, Херсоне и Барнауле, Комсомольске-на-Амуре и Фрунзе, Краснозаводске и Кемерове, повесть о нашем периферийном театре, его становлении и расцвете. Но я ничего этого не записал. Однако и сейчас я так же, как и десять лет назад, часто бываю у Георгия Владимировича, дохотно, с нескрываемым интересом слушаю его никогда не повторяющиеся истории, невольно становлюсь соучастником событий, отодвинутых в двадцатые годы.

Именно в двадцатые годы, в полуголодном Харькове, когда было мало хлеба в магазинах и очень много зрителей в театре, начиналась актерская жизнь Георгия Владимировича Беляева,

начиналась в роли Бестужева в давно забытой пьесе Лернера «Декабристы». Днем — учеба в театральной студии, вечером — участие в спектаклях «Театра нового быта», в промежутках — поиски случайных заработков,

чтобы купить что-нибудь поесть, а после спектакля — бесконечные споры о судьбах театра, революции, актерском мастерстве, иногда затягивающиеся до утра.

Премьера давалась каждую неделю. Пьесы, как в калейдоскопе, мелькали на афишах: «Черная пантера», «Сплошной зык», «Кровь и песок». Но уже рождалась новая драматургия, появились первые пьесы Шкваркина, Прута, Лавренина, Вс. Иванова, Афиногенова. Георгий Владимирович с любовью вспоминает свои первые крупные работы: Осип в «Ревизоре», Паратов в «Бесприданнице», Клещ «На дне», Вершинин в «Бронепоезде 14-69».

С годами зрело мастерство, ярче вырисовывались актерская индивидуальность Беляева, самобытность его дарования. Яркой страницей в актерской жизни Георгия Владимировича стал сезон 1936 года, проведенный им в Новокузнецке. Город строился. Вся страна следила за ростом металлургического первенца. Звонкоголосая молодость, азартная, темпераментная, каждый вечер заполняла вновь отстроенный театр. После спектакля — встречи со зрителем, споры, обсуждения,

диспуты вокруг пьесы, ее сценического воплощения, трактовки ролей.

Открылись 6 ноября спектаклем «Слава» В. Гусева, а уже 9 ноября в местной газете (нашим бы рецензентам поучиться такой

оперативности) появилась рецензия Л. Долгина «Удачный спектакль». Были в ней и такие слова: «Прекрасно провел свою роль коммуниста артист Г. Беляев. В скупых и сдержанных жестах, в суровом голосе старого большевика, отправляющего в опасную экспедицию любимого ученика, чувствовалась большая человеческая любовь и большое мужественное сердце».

Их очень много, рецензий, написанных разными авторами, напечатанных в различных газетах. Если бы их собрать вместе и издать, они составили бы довольно увесистую книгу. Я перелистываю пожелтевшие вырезки, рассматриваю давние фотографии, вспоминаю пьесы, идущие сейчас на советской сцене и ставшие историей, давно забытые, в которых довелось играть Г. Беляеву. А с фотографий на меня глядят живые люди разных времен, характеров, судеб, вызванные к жизни фантазией и талантом актера: Пимен, Паратов, Несчастливцев, Дикой, Макферсон, Кошкин, Тетерев, Грохот, полковник Ярцев, Константин Заслонов, Лаврецкий, Вершинин, Листрат, Забелин, профессор Окаемов...

А вот уже и знакомые фото-

графии, с которых, собственноручно, и начинается мое знакомство с Георгием Владимировичем. Слокойное лицо. Умные глаза. Волевым очертание губ. Комиссар из спектакля «Настоящий человек» по одноименной повести Бо-

риса Полевого, поставленный Барнаульским краевым театром драмы. Это был очень яркий, впечатляющий образ сильного, по коммунистически гуманного человека, несмотря на то, что в распоряжении артиста оказалось очень мало выразительных средств и ролевого материала (бедь мы видим комиссара только больным, неподвижно лежащим в постели).

Жизнь, как это часто бывает, развела нас в разные стороны. Из газет и журналов я знал о его новых и интересных работах. Скупые рецензии дополнялись рассказами общих знакомых, видевших его в различных ролях. Память о наших встречах не тускнела. Тем приятнее мне было узнать, что Георгий Владимирович Беляев будет работать в Кемерове. Тот год был памятным: страна готовилась к XXI съезду КПСС, готовился к нему и театр.

В канун съезда театр показал спектакль по пьесе Ю. Эдлеса «Волнолом» (позже она широко стала известна под названием «Девятый вал»). В роли слепого старика дебютировал Георгий Владимирович. Я смотрел спек-

такл и невольно вспоминал Беляева в роли Вожака из «Оптимистической трагедии». Параллель возникла не случайно: образ слепого старика, хранителя вековых устоев мещанства, был таким же емким, многоплановым,

масштабным. Главным в роли было не просто разоблачение лжы, весь смысл жизни которых заключен в собственном доме с достатком. Актер всем строем роли, системой выразительных средств стремился донести до зала мысль, что каждый человек, если он становится озлобленным на людей, мир, солнце, превращается в слепого не только физически, как его герой, но и нравственно, что, по сути дела, является самым страшным. Очень интересно решалась роль пластически, внешне: в жестах, походке было что-то от паука, настороженно выжидающего своей добычи.

Совершенно иной стороной своего дарования обернулся актер в пьесе С. Алешина «Палата». Писатель Новиков, тонко сыгранный Беляевым, чем-то сродни комиссару. Тот и другой — умудренные жизнью люди, коммунисты, борцы в высоком смысле этого слова, близко принимающие к сердцу боли и радости находящихся рядом людей. Они живут так, как подсказывают им сердце, партийная совесть, накопленный жизненный опыт. Гуманистическая истина: «Человек, хочет того или не хочет, все дела-

ет для людей» — для них не слова, а жизненная программа. Когда комиссар умирает, на вопрос, кого хоронят, один из госпитальных больных говорит: «Настоящего человека хоронят... Большевик».

Слова о настоящем человеке и большевике равным образом относятся и к Новикову, каким его сыграл Беляев: любящему людей, живущему для них, настоящему коммунисту не только по званию, но и по всему образу мыслей и действий. Богатый ролевой материал позволил актеру выразить не только свой талант, но и собственные мысли гражданина, коммуниста, человека. Этими сторонами своего творчества он оказался особенно дорогим и понятным кемеровским зрителям.

Время быстро текло. Наступил и для Георгия Владимировича день, когда свет лампы, ставшей за много лет сценической жизни таким привычным, зажегся и погас для него в последний раз. Можно было, казалось, спокойно отдохнуть, раскладывая пиясья и перебирая в памяти минувшие дни. Но уж такой он человек, что чужд ему покой. Богатые знания, накопленный опыт он щедро отдает студентам театрального отделения культпросветшколы, слушателям режиссерского факультета Дома народного творчества им. Н. К. Крупской.

А я, как и десять лет назад, по вечерам, когда выдается свободное время, охотно иду в дом Георгия Владимировича. Мы вновь говорим о театре, актерам, встречах и расставаниях, о каждой из четырехсот ролей, сыгранных Беляевым. Для него это не просто роли: каждая из них — это прожитая жизнь, это частица сердца, оставленная на сцене.

Рядом с интересным человеком

ЧЕТЫРЕСТА ЖИЗНЕЙ